

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ ХХІ.

№ 7

12 Февраля 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особая приложенія.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р., съ достав. и перес. по всей Россіи 6 р., по посылу 3 р., на мѣсяцъ 50 к. За границу 10 р. Отдѣльн. №№ 10 к. Свѣдѣнія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою по 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною стрѣлкою по ширинѣ въ 1 1/2 ширины страницъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собств. домъ. Городские обращаются въ отопленіе конторы: Невскій просп., д. № 96, улозъ Надеждинскій. Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году номера журналъ со всеми приложеніями. За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняго на городскій, взымается 50 коп., — городскою на городскій или иногородняго на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ. „Русскій Паломникъ“ одобренъ всѣми вѣдомствами.

Библія въ картинахъ. — «Отверзай руку твою нищему» (Второзак. XV. 11).
(Къ статьѣ: „Комфортъ души“).

Покаянные мысли.

(Страничка из моего дневника).

ЗЕМЛЯ ожидала Христа...

Пророки возвѣщали Его пришествіе. Они видѣли день Его, и их цѣвница трепетала трепетомъ радости и разсыпала въ воздухѣ звуки сладости неизреченной...

Язычники призывали Христа въ мечтаниихъ своихъ мудрецовъ, въ видѣніяхъ своихъ поэтовъ, въ томъ неясномъ предчувствіи, которое за предѣлами ихъ умственной ночи указывало имъ зарю яснаго дня, полнаго блеска и мира. Они призывали Его, когда у подножія своихъ жертвенниковъ старались умиливать своихъ боговъ скорбнымъ покаяніемъ или кровавыми жертвами и не могли умирить тревоженій своего сердца.

Вся вселенная призывала Христа...

И Христосъ—явился.

Явился Христосъ—Солнце правды—и мракъ умовъ разсѣялся. Видѣніе Іезекиіля стало дѣйствительностью. Кости сухія затрепетали таинственнымъ трепетомъ... По опустошенной равнинѣ пронеслось дыханіе жизни... Поднялось воинство тамъ, гдѣ смерть разбросала свои жертвы...

Христосъ снялъ цѣпи съ рабовъ, открылъ двери заключеннымъ, освободилъ угнетенныхъ...

Безконечно милосердіе Христа! Безъ него мы все погибли бы на вѣки. Оно все сдѣлало для насъ.

Но оно для тѣхъ, кто стремится воспользоваться имъ.

Многихъ останавливаетъ на пути спасенія мысль о безконечномъ милосердіи Божіемъ, не требуемъ будто отъ насъ никакихъ подвиговъ, а спасаемъ всехъ грѣшниковъ безъ различія. „Я грѣшникъ, я немощный; но Богъ милостивъ, Онъ спасетъ меня,—говорятъ многіе изъ насъ и остаются въ безопасности и нераскаянности.

Безконечно милосердіе Божіе. Но кто подъ симъ предлогомъ остается въ нераскаянности и продолжаетъ жизнь незаконную, тотъ не знаетъ милосердія Божія, не вкусилъ сладости любви Божіей и Богу приписываетъ то, что свойственно только нерадивому и невнимательному отцу и начальнику. Ахъ, если бы ты, душа христіанская, хотя однажды въ жизни усѣла истинно понять и сердечно почувствовать иѣжнѣйшую любовь и безпредѣльное милосердіе Отца Небеснаго! Ты и на мгновеніе не осталась бы тогда въ суевѣ и нерадѣніи. Ты желала бы имѣть неиссякающій источникъ слезъ, чтобы вѣчно оплакивать свое недостойнство. Ты оставила бы все въ мірѣ, забыла бы себя и всю вселенную, чтобы навсегда погрузиться въ бездну любви Божіей. Ты рѣшилась бы на тысячелѣтніе подвиги и скорби, чтобы получить отъ Бога прощеніе грѣховъ и заслужить хотя малое участіе въ блаженной жизни святыхъ, въ нескончаемомъ царствіи Милосерднаго Отца Небеснаго.

Безконечно милосердіе Божіе! Но оно только для кающихся грѣшниковъ, которые въ настоящей жизни ищутъ отъ Бога прощенія грѣховъ. А нераскаянныхъ поразитъ праведный гнѣвъ Божій.

Пробудись же, христіанинъ, отъ сна грѣховнаго! „Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпѣнія Божія, не разумѣя, что благодать Божія ведетъ тебя къ покаянію? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты самъ себя собираешь гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога“ (Рим. II. 4, 5).

И чѣмъ болѣе мы живемъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ этому гнѣвному дню. Чѣмъ болѣе щадило насъ долготерпѣніе Божіе, тѣмъ страшнѣе откровеніе праведнаго суда Божія. Чѣмъ долѣе грѣшникъ пребываетъ въ нерадѣніи о благодати Божіей, тѣмъ мучительнѣе будетъ воспоминаніе о ней въ нескончаемой вѣчности. Въ день страшнаго суда онъ узнаетъ и милосердіе, и правосудіе Божіе, но тогда онъ навсегда будетъ откинутъ отъ милосердія и пораженъ правосудіемъ Божиимъ.

„Страшенъ судъ Твой, Господи, ангеломъ предстоящимъ, человѣкомъ вводимымъ, книгамъ разглагольмымъ, дѣломъ испытываемымъ, помысломъ истизуемымъ“... (Изъ церкви. пѣсн.).

Господь грядетъ во славу Своею... Тьмы ангеловъ съ Нимъ... Предъ Нимъ исчезнетъ всякая слава земная, всякое мірское величіе... Само небо не устоитъ предъ Нимъ... Солнце померкнетъ, и луна обратится въ кровь... Отъ страха лица Господня все стихіи земли и все силы небесныя поколеблются и вострепетуютъ.

Тогда предстанутъ предъ Нимъ все языцы, явятся на судъ... Предстанутъ живые и мертвые, богатые и бѣдные, ученые и простые.

И примутъ воздаяніе за дѣла свои, воздаяніе праведное, вѣчное и неизмѣняемое.

Тогда восплачутся все колѣна земная отъ позднаго раскаянія.

Книга всевѣдѣнія Божественнаго и книга совѣсти каждаго грѣшника раскроются тогда предъ всею вселенною, и вся вселенная узнаетъ всю прошедшую жизнь грѣшника. Предъ всеми ангелами и человѣками откроется тогда все тайныя помышленія лукаваго сердца его, и онъ будетъ безотвѣтенъ предъ Праведнымъ и Всевидящимъ Судіею.

Тогда грѣшники „будутъ искать смерти, но не найдутъ ея; пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ“ (Апок. IX. 6); будутъ пытаться скрыться „въ пещеры и въ ущелья горъ и скажутъ горамъ и камнямъ: падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Лица; ибо пришелъ великій день гнѣва Его, и кто можетъ устоять?“ (VI. 15, 16, 17).

Но куда скрыться отъ Всевидящаго? Какъ убѣжать отъ Всемогущаго?

Предъ Нимъ соберутся „двѣ языцы“, и всѣ грѣшники услышатъ приговоръ на вѣчное мученіе, уготованное диаволу и ангеломъ его.

Тогда навсегда закроется дверь милосердія Божія для нераскаянныхъ.

Непроходимая бездна отдѣлитъ ихъ отъ блаженнаго жилища праведныхъ, и несчастные грѣшники будутъ вѣчно страдать. Каждая новая минута вѣчности будетъ для нихъ новымъ страданіемъ и мученіемъ...

Боже Милосердый, пощади Твое созданіе!

„Множество содѣянныхъ мною лютыхъ помышляя, каменный, трепещу страшнаго дне суднаго. Но, на-вѣлся на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ, возви: помилуй мя, Боже, по величїи Твоей милости“.

Сергій Палицынъ.

Н о г ю .

ЮБЛЮ я прелесть зимней ночи,
Когда на тверди голубой
Мерцають звѣздъ лучистыхъ очи,
Сіяетъ мѣсяць золотой!

Изъ деревенскаго былого
Въ воображенїи моемъ
Такія ночи встали снова...
И снова я мечтой въ быломъ!

Порывомъ творчества, бывало,
И злой безсонницей томимъ,
Встасшь, отбросивъ одѣяло,
Идешь по комнатамъ пустыль...

Глядишь въ окно: по тверди сплелъ
Лампады почи зажжены...
И спитъ земля нѣмой пустыней
При свѣтѣ трепетномъ луны.

Повитый дымной полумглою,
Покрытый шапкой снѣговой
И озаряемый луною,
Хорошъ картинно лѣсъ густой!

Туда влечетъ меня невольн...
И снится мнѣ, что духи тьмы
Тамъ затѣвають своевольно
Игривый плясъ подъ нѣсны зимы!

Викторъ Мюръ.

Комфортъ души.

Милостыня отъ смерти избавляетъ и можетъ очищать всякій грѣхъ (Тов. XII. 9).

Въ переживаемые нами тяжелые дни, вслѣдствіе приостановки работъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, тысячи рабочихъ выброшены на улицу. Въ большихъ городахъ нельзя пройти одного квартала, чтобы не встрѣтить бѣдняка съ протянутой рукою. Многіе состоятельные люди для успокоенія своей совѣсти снѣшаютъ отдѣлаться отъ ихъ мольбъ небольшими подачками.

— Мнѣ дешевле ѣздить на извозчикѣ, чѣмъ идти пешкомъ на службу, — заявляетъ одинъ солидный чиновникъ. — Даже мѣдяками больше раздашь денегъ

встрѣчающимся нищимъ, чѣмъ стоитъ мнѣ извозчикъ для переѣзда въ департаментъ.

Не рѣдкость въ С.-Петербургѣ встрѣтить на колѣняхъ плачущихъ нищихъ:

— Войдите въ мое положеніе! — вопятъ несчастные.

— Они лѣгиты, пьяницы! — осуждаетъ ихъ резонеръ: — зачѣмъ вы подаете имъ деньги? Вѣдь этими подачками вы приучаете ихъ только къ праздности и къ попрошайничеству. Такихъ здоровыхъ шарней надо гнать на работу.

— Они и рады бы работать, да кто ихъ возьметъ теперь прямо съ улицы?!

Разсказываютъ про Влад. Серг. Соловьева, что онъ раздавалъ нищимъ всѣ имѣвшіеся при немъ деньги; а если ихъ не хватало, то отдавалъ копейки, платокъ или какую-нибудь другую вещь, случайно находившуюся въ карманѣ.

— Другой писатель, — кажется, Тар. Гр. Шевченко, — подавалъ нищимъ по двугривенному.

— Зачѣмъ вы подаете ему такъ много?

— Да Богъ его знаетъ: можетъ быть, онъ въ воду бросится, если ему не подать. Когда-то я самъ былъ противъ раздачи денегъ нищимъ на улицѣ. Но разъ, случилось, пристасть ко мнѣ мужикъ: дай, да дай ему что-нибудь. Я иду и молчу. Вдругъ онъ бухъ въ воду. Я раздѣлся и за нимъ. Вытащилъ его да скорѣй сунулъ въ его руку двугривенный. Съ тѣхъ поръ боюсь не дать, когда просятъ.

Мнѣ кажется, всѣ тѣ, которые протягиваютъ руки за подаваніемъ, непремѣнно бѣдны, если не матеріально, то духовно. Во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ сожалѣнія. О, если бы разсказалъ каждый, чего только стоило ему протянуть руку въ первый разъ! И если случится среди нищихъ встрѣтить одного палопая, то, право, не стоитъ изъ-за него лишать помощи остальныхъ истинно несчастныхъ.

Иногда идешь изъ гостей домой послѣ вкуснаго обѣда съ хорошими винами.

Отягощенное тѣло проснется на покой. Мечтасшь хорошо заснуть... Вдругъ:

— Подайте, Христа ради!

— Да, отъ тебя, любезный, водкой пахнетъ. Ты пьянствуешь! Просишь денегъ, чтобы въ кабакъ пойти!

И съ строгимъ взглядомъ осужденія проходишь мимо.

Развѣ иногда совѣсть чуть-чуть кольнетъ: „А тебѣ можно безъ нужды, безъ горя напиваться дорогимъ виномъ?“ (ср. Притч. XXXI. 6, 7).

Въ Америкѣ богатые люди называютъ благотворительность *комфортомъ души*, или *успокоеніемъ совѣсти*.

Господь заповѣдалъ еще чрезъ Моисея:

„Не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ. Ибо нищія всегда будутъ среди земли твоей; потому я и повелѣваю тебѣ: отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей“ (Втор. XV. 7, 11).

И въ Новомъ Заветѣ Господь открываетъ намъ тайну потусторонняго міра: нищій несетя ангелами на лоно Авраамово, а богатъ попадаетъ въ адъ.

Богатый американецъ, читая эти строки, понимаетъ, что дѣйствительно трудно богатому войти въ царство Небесное, а потому онъ слѣшнитъ успокоить свою душу колоссальными пожертвованіями для бѣдныхъ. Иные богачи выбрасываютъ на благотворительность по милліону долларовъ ежегодно. Въ самомъ дѣлѣ, милліонъ — поражающая сумма денегъ. Казалось бы, послѣ такой жертвы, богатъ долженъ чувствовать въ душѣ своей полное успокоеніе и довольство, полный комфортъ души. Но... можно ли ему откупиться милліономъ, когда нхъ остается у него еще сотня, а у милліардеровъ — тысяча!

Въ маломъ видѣ тоже дѣлается и въ Россіи. Многіе ищутъ купить покой души и себѣ, и своимъ усопшимъ родственникамъ подаеніемъ, помня слова св. Писанія:

„Благотворящій бѣдному дастъ взаймы Господу, Онъ воздастъ ему за благодѣяніе его. Блаженъ, кто помыслилъ о бѣдномъ и нищемъ! Въ день бѣдствія забавитъ его Господь“.

И нашъ народъ твердо вѣрнѣе, что дающій нищему не обѣднѣетъ.

Есть у меня знакомый, который обратилъ свое вниманіе на обиліе въ городахъ Россіи монахинь, скромно просящихъ на построеніе или на украшеніе храма во имя иконы Божіей Матери „Нечаянной Радости“.

— Представьте, — говорилъ знакомый, — въ жизни своей я ни разу не встрѣтилъ въ Россіи ни церкви, ни монастыря „Нечаянной Радости“. Но это поэтическое названіе сильно дѣйствуетъ на душу. Кто изъ насъ не желаетъ получить *нечаянную радость*? И какъ бы желая купить ее, мы охотно кладемъ свои копѣйки на книжки монахинь.

Мало того, это чудное названіе иконы подталкиваетъ меня самого сдѣлать нечаянную радость другимъ просящимъ. Не скрою, иной разъ найдегъ на меня расположеніе дать первому встрѣчному нищему золотую монету. Вотъ тутъ насмотришься нечаянной радости у человѣка! Одинъ старикъ мнѣ замѣтилъ: „Баринъ, вы, вѣроятно, ошибкой дали мнѣ золотой?“ — „Нѣтъ, говорю, сегодня такое твое счастье!“ И признаюсь, за эти золотые я сторпцею получалъ нечаянную радость отъ Бога.

Уличные бѣдняки — тоже люди. Можетъ быть, они обижены судьбой больше всѣхъ. Бѣдный ненавидимъ бываетъ даже близкими своимъ. Всѣ его оставляютъ: и друзья, и братья. Не потому ли Господь и избралъ бѣдныхъ, какъ обиженныхъ и покинутыхъ въ мірѣ семъ? Не къ нимъ ли пришелъ на землю Господь благоветвовать царство Божіе?! Не ради ихъ ли намъ открываются двери рая (Мат. XXV. 35)? И здѣсь на землѣ, если хотимъ быть услышаны съ неба и чтобы отерился намъ во тмѣ сѣтъ правды, то вотъ секретъ: надо *отдать милостину души своей и напитать душу страдающая* (Исаія LVIII, 10).

Ив. Ювачевъ.

Преподобный Мартиніанъ и Зоя.

(Память 13 февраля).

I.

ПРЪ подходилъ къ концу, и розовый отблескъ зари уже позолотилъ верхушки росшихъ въ внутреннемъ дворикѣ кипарисовъ. Небо посѣдлѣло, и большія яркія звѣзды одна за другой изъ заливъ въ надвигавшемся съ востока сіяніи восходившаго дня.

Весь тотъ хаосъ звуковъ, который утомительнымъ гуломъ стоялъ на террасѣ всю ночь, подъ конецъ такъ-то стихъ и упалъ. Ипрующіе слишкомъ уставъ за безсонную ночь и теперь нуждались въ отдыхѣ.

Сама хозяйка, великолѣпная Зоя, — какъ ее звали въ знавшіе ее и провавшіе въ эту ночь съ нею, — съ раздраженіемъ какого-то необычнаго въ такой поздній часъ вниманія слушала, какъ толстый, съ обрюзглымъ желтымъ лицомъ Марій Луверъ, секретарь кесарскіа намѣстника, рассказывалъ ей о томъ странномъ ловѣкѣ, который появился невдали отъ ихъ горъ въ горахъ, живеть въ пещерѣ, ходитъ въ рубищѣ и все время молится.

— Я вполне согласенъ, — говорилъ Луверъ, — молиться полезно, и — не смѣю противорѣчить, — можетъ быть даже приятно, но согласенъ сама, великолѣпнѣйшій дѣлать это въ молодыхъ годахъ, а онъ еще молодъ отречься совершенно отъ міра, не знать любви, достей... И все это въ молодости, въ той прекрасной молодости, которая бываетъ только одинъ разъ!..

Въ глазахъ Зои мелькнула лукавая и веселая мысль.

— Божественная что-то придумала? — вопросительно взглянулъ на нее Луверъ.

— Да, ты правъ, Марій... Я хочу, какъ листъ дерева, оторвать пустытника отъ его жизни... Ка по твоему, смогу ли я это сдѣлать?..

— Несравненнѣйшая, кто жевъ этомъ сомнѣвается пожалъ плечами кесарскій секретарь и потянулся чашей съ виномъ, — только... что за интересъ собннть како-то чернаго, вѣроятно грязнаго, неинтересна отшельника?.. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, а тебѣ пора тебѣ дать покой!..

И Луверъ, поклонившись хозяйкѣ, направился на выходу. Его удаленіе какъ лица наиболѣе близкаго къ хозяйкѣ, послужило сигналомъ для другихъ. Одъ за другимъ гости вставали, благодарили Зою, и весело ушелъ и послѣдній... Солнце уже выплыло надъ горизонтомъ, и золотые лучи его брызнули на зеленые веселымъ радостнымъ потокомъ, позолотили холодныя мраморныя колонны террасы, засверкали въ вышней струѣ фонтана въ саду, разноцвѣтными крапями бросились и блистали въ золотыхъ кубкахъ, застѣ, полахъ и блюдахъ на столахъ, а Зоя все сидѣла задумавшись на своемъ ложѣ и медленно обмывала ладъ обмывала.

Преподобный Мартинианъ и Зоя.
(Память 13 февраля.— Въ стр. 100—108).

Изъ этой задумчивости ее вывелъ голосъ раба, который испрашивалъ у госпожи распоряженія—убирать столы.

— Зоя встала и сладко потянулась. Въ большихъ черныхъ глазахъ ея мелькнуло выраженіе усталости и скуки. Медленно и лѣниво она пошла къ себѣ во внутренніе покои, но, приподнявъ тяжелую нортьеру двери, вдругъ остановилась.

— Скажи,—промолвила она, полуоборачиваясь,—ты не знаешь человѣка одного... подвижника... кажется, его зовутъ Мартиніаномъ?

Нубиецъ удивленно взглянулъ на свою госпожу и медленно отвѣтилъ:

— Я знаю его... Это святой человѣкъ!

— Гдѣ онъ живетъ?

— Онъ живетъ въ горахъ, по дорогѣ къ дачѣ намѣстника, въ убогой пещерѣ. Онъ терпитъ голодъ и холодъ, не видитъ людей, онъ нищъ... Что же госпожѣ надо отъ него?

Тяжелый восточный коверъ колыхнулася, и Зоя скрылась.

II.

На слѣдующій день, уже почти вечеромъ, Зоя одна, безъ провожатыхъ, въ жалкомъ ободранномъ рубищѣ и съ большимъ мѣшкомъ на плечахъ, какой обыкновенно носятъ нищіе, шла по дорогѣ къ дачѣ намѣстника. Тьма уже окутывала землю, и тяжелыя черныя тучи, медленно ползшія съ запада, закрывали небо, отчего на землѣ казалось еще темнѣй и непріятнѣй.

„Такъ ли я иду?—думала Зоя, натываясь въ темнотѣ на камни и ямы, чуть не падая,—кажется эта дорога ведетъ къ дачѣ намѣстника...“

Вотъ ей попалось навстрѣчу сѣмь быковъ, которыхъ гнали въ городъ два погонщика. Зоя спросила у нихъ дорогу. Оказалось, что она идетъ вѣрно.

— А далеко живетъ здѣсь старикъ Мартиніанъ?—спросила она.

— Мартиніанъ?—старикъ погонщикъ удивленно взглянулъ на спрашивавшую:—это святой мужъ, котораго чтятъ всѣ... Онъ живетъ въ пещерѣ, недалекъ отъ дороги. Мѣсто его пещеры ты можешь найти по большому камню, лежащему у самаго края дороги...

Они разстались, и Зоя шла дальше и дальше... Въ воздухѣ стало холодище и запахло сыростью. Чувствовалось, что вотъ-вотъ хлынетъ дождь.

Вѣтеръ налетѣлъ порывомъ, взметнулъ пыль на дорогѣ; занумѣлъ по сухой, прижатой солнцемъ травѣ и упалъ. И тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ ослѣпительно свернула молнія, оглушительнымъ трескомъ загрохоталъ громъ, и дождь, словно изъ опрокинутого сосуда, хлынулъ на землю. Вся мокрая, внезапно продрогшая, испуганная сылавшимися одинъ за другимъ ударами грома, Зоя бросилась въ сторону и съ размаху ударилась о большой, одиноко стоявшій возлѣ дороги камень.

— Ахъ камень, большой камень,—мелькнуло у нея въ головѣ,—гдѣ-нибудь тутъ недалеко и пещера...

Она быстро побѣжала по узенькой, едва примѣтной въ темнотѣ, тропинкѣ вверхъ, на гору. Безлистья сухія вѣтви кустовъ, окружавшихъ тропинку, блибли по лицу и рукамъ, цѣплялись за одежду, затрудняя ея бѣгъ, но она все стремилась впередъ, пока не достигла небольшой площадки, въ концѣ которой въ подымавшейся стѣнѣ горы, чернѣлъ входъ въ пещеру.

Зоя побѣжала къ нему и испуганнымъ голосомъ чуть не плача, стала просить укрыть ее отъ непогоды.

Въ пещерѣ кто-то зашевелился, скрипнула дверь, и высокая темная фигура вырисовалась у входа.

— Ты просишь пріюта отъ непогоды? Войди,—спокойно промолвилъ молодой и сильный голосъ.

Зоя вошла въ пещеру, а обитатель ея завозился надъ чѣмъ-то въ углу. Онъ что-то ворочалъ тамъ, ломалъ какіе то сучья, потомъ сталъ высѣкать огонь. И черезъ нѣсколько времени, сначала робкій, синеватый, потомъ сразу сдѣлавшійся сильнымъ и желтымъ, огонь озарилъ пещеру. Высокій человѣкъ при свѣтѣ его взглянулъ на посѣтительницу. И тутъ Зоя вдругъ почувствовала неясный и смутный стыдъ за то, что незваная пришла къ этому одинокому человѣку и нарушила его покой. Отшельникъ повернулся и медленно скрылся за небольшой дверкой, дѣлившей келью на двѣ половинны.

И вскорѣ оттуда послышался его сильный голосъ. Зоя прислушалась: отшельникъ молится. Она присѣла къ огню и стала дремать. Но всю ночь, очнувшись порой отъ одолевавшей ее дремоты, она слышала все тотъ же голосъ, въ страстномъ чувствѣ молившей Бога...

Подъ утро Зоя, ирдя нѣсколько въ себя отъ стыда и раздосадованная невниманіемъ отшельника, рѣшилась довести предпріятое ею до конца. Она вынула изъ своего нищенскаго мѣшка роскошный нарядъ и украшенія и облеклась въ него; потомъ стала около дверей, ведущихъ въ то отдѣленіе пещеры, гдѣ былъ отшельникъ, и начала ждать. Ждать ей пришлось недолго. Внезапно дверь отворилась, и на порогѣ ее выросъ высокій худой человѣкъ...

Зоя съ улыбкою и сверкая своими красивыми глазами, начала ему говорить о цѣли своего посѣщенія, о томъ, какъ неразумно отказываться отъ земныхъ благъ, отъ счастья, отъ любви... Она говорила и улыбалась, бросала на отшельника жгучіе взгляды, а онъ стоялъ предъ нею смущенный внезапно нахлынувшими на него искушеніемъ, не побѣжденный, но уже колебавшійся...

И вдругъ глаза его засверкали, лицо стало суровымъ и строгимъ. Моментъ колебанія прошелъ—истина, та великая истина, для которой онъ ушелъ отъ людей и терпѣлъ голодъ и холодъ въ одинокой пещерѣ,—съ внезапной и непоколебимой ясностью встала опять передъ нимъ. Собравъ весь хворостъ, лежавшій въ пещерѣ, онъ бросилъ его въ одну кучу и засвѣтъ. Наумленная, пораженная, слѣдила Зоя за нимъ.

Костеръ загорѣлся вселадитъ бойкимъ огнемъ. И вдругъ Зоя дрогнула и отшатнулась. Мартинианъ снялъ обувь и прямо босыми ногами сталъ въ середину огня. Пламя охватило его ступни, лизало голое тѣло, бѣлые большіе лопающіеся пузыри появились на ногахъ. А молодой отшельникъ, съ вдохновенно горючимъ взоромъ, говорилъ:

— Что, Мартинианъ? Каковъ этотъ огонь временный и какова боль отъ него? Можешь ли вытерпѣть терзанія вѣчныя? Въ такомъ случаѣ поступи, какъ говорить эта женщина!

Огонь все разгорался, край власяницы тлѣлъ отъ него, боль отъ него, очевидно, становилась невыносимой. И вдругъ Мартинианъ закачался, закрылъ лицо руками и тяжело рухнулъ на землю.

— Господи Боже мой, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—съ рыданіемъ вырвалось изъ его груди...

Зоя дрогнула. Страхъ, безконечная жалость и, главное, стыдъ, мучительный стыдъ за всю свою грѣшную жизнь, ужасъ того мрака, въ которомъ вѣчно ходила она, не видя свѣта.—потрясъ ея душу. Вся ея недолгая распутная жизнь пронеслась вдругъ передъ нею, и сердце сжалось томящей, острой тоской! А у ногъ ея блесъ въ страшной истомѣ сознанія своего грѣха великій, святой человѣкъ...

— Научи меня, какъ спастись!—воскликнула Зоя, срывая съ себя украшенія и роскошныя одежды и швыряя все это въ огонь,—о, научи меня!

Мартинианъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее.

И тотчасъ же она услышала спокойный, тихій голосъ:

— Иди въ Виледемъ, ты найдешь тамъ подвижницу Павлу, создавшую церковь, открой ей свою душу, и она научитъ тебя, какъ спастись...

— Молись за меня грѣшную!—прошептала Зоя и, обливаясь слезами, вышла изъ пещеры.

Не заходя даже домой въ городъ, она пошла прямо по указанному ей пути, все болѣе и болѣе ощущая въ себѣ новое великое чувство—сокрушенія о всей своей жизни и отрѣшенія отъ всего прошлаго. Къ вечеру она достигла Виледема. Тамъ она нашла великую Павлу Палестинскую и открыла ей всю свою жпзнь и всю свою душу... И потомъ двадцатью годами непрестанной молитвы, вѣчнаго сокрушенія о своемъ прошломъ, постоянныхъ лишеній стяжала она мирный исходъ въ царство вѣчной славы.

И въ минуты сердечнаго упадка, въ минуты душевной слабости, въ памяти ея вставалъ образъ великаго отшельника Мартиниана, пробудившаго въ ней погрѣшную въ грѣхѣхъ вѣру,—и съ новой силой она шла по пути къ вѣчности...

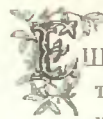
В. Васильевъ.

Бесѣды съ читателями «Русскаго Паломника».

Общественныя теченія.—Что нужно прочитать каждому образованному человѣку,

Введеніе.

ЩЕ въ третьемъ году я хотѣлъ дать рядъ статей на тему, что читать. Тогда мнѣ не пришлось исполнить своего обѣщанія, если не считать бесѣды о Чеховѣ, Короленко и т. д. Теперь я ставлю свою задачу иначе.

Въ „Русскомъ Словѣ“ о. Петровъ открываетъ отдѣлъ: „Книги друзья“. Въ отдѣлѣ „Книги друзья“ мы намѣрены знакомить читателя, — ипшетъ онъ, — съ книгами, имѣющими серьезный, общечеловѣческой интересъ. При этомъ, для большей стройности и цѣльности впечатлѣнія, мы будемъ приводить содержаніе книгъ въ известномъ порядкѣ, по отдѣламъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени у читателя можетъ составиться своеобразная цѣлая бібліотека, получится своего рода какъ бы университетскій курсъ по сжатымъ запискамъ“.

Мы не задаемся такой задачей. Мы хотимъ служить тѣмъ же приблизительно цѣлямъ, но другимъ порядкомъ... Желаемъ дать въ видѣ концентрическихъ круговъ каталогъ того, что, по нашему мнѣнію, долженъ знать образованный человѣкъ настоящаго дня, и на переходахъ отъ круга къ кругу—характеристики тѣхъ „міропониманій“, какіе предлагаются литературой даннаго круга.

Сожалѣемъ, что первая бесѣда будетъ слишкомъ сухой и скучной. Что дѣлать! Это—введеніе, бібліографія. Слѣдующія, можетъ быть, менѣе скучны.

Но сначала. Чѣмъ вызваны наши каталоги?

Случайно у меня былъ подъ рукой списокъ книгъ, „какія нужно прочесть“. Вотъ онъ.

„Марксъ, Мпхайловскій, Авенаріусъ, Риль, Энгельсъ, Петражицкій“. Сверху между Энгельсономъ и Петражицкимъ вставлено: „Нордау“, послѣ Рили—„На разные темы“ Струве. А дальше приписка: „А. И. сказали, что нужно прочитать: „Проблемы идеализма“. Слѣдующая страница: „Исторія земли“.

Здѣсь, очевидно, было два списка и оба дурные. Сначала былъ систематическій списокъ, который давалъ дѣйствительную систему чтенія. Потомъ хозяинъ иложилъ свои заплаты. И Нордау рядомъ съ Марксомъ, Струве послѣ Рили. Последняго рода списки особенно часты. Почему? Очевидно, по неумѣнью систематически читать. Люди „плутъ къ образованію не по прямому пути, а тычутся, словно слѣпыя котята за матернимъ молокомъ“, — писалъ я о нашей манерѣ читать годъ тому назадъ, то же скажу и теперь. Цѣль чтенія—образованіе, а суть образованія—понять для себя жизнь, отвѣтить на вопросы, какіе она ставитъ. Сначала человѣкъ ищетъ рѣшенія ближайшихъ жизненныхъ недоумѣній. Онъ обязанъ искать рѣшенія честно, не принимая первое удобное ему рѣшеніе,

а „вопросная всѣхъ, кому объ этомъ дано слово“, не боясь правды, какой бы она ни была. Рѣшеніе однихъ вопросовъ родитъ кучи другихъ, еще болѣе большихъ и жгучихъ, и вслѣдъ за ними долженъ идти ищущій свѣта.

На дѣлѣ, люди читаютъ то, что предписываетъ читать „мода дня“ или вліятельные товарищи. Это чтеніе слѣпыхъ.

Но и чтеніе зрячихъ бываетъ не всегда одинаково. Возьмите основной списокъ, безъ позднихъ поправокъ.

Очевидно, это—система, но система однобокая, въ одну сторону. А образование не должно быть партійнымъ.

И вотъ мы хотимъ дать систему чтенія неодносторонняго и не случайнаго. Мы исходимъ изъ теченій и настроеній минуты.

Вся жизнь движется около партійныхъ интересовъ. Рынокъ наводненъ литературой одного типа и тона. Какъ отнестись къ этому потоку? Ужь изъ того, что намъ когда-то приходилось говорить раньше,—читатель пойметъ, что мы смотримъ на потокъ съ тревогой и подозрительно.

Чтобы заранѣе устранить подозрѣнія въ пристрастномъ недоброжелательствѣ къ указанной литературѣ, я сдѣлаю одно предварительное замѣчаніе.

Въ залѣ Соляного городка я публично заявилъ, что считаю систему социаль-демократическаго марксизма въ его „экономической половинѣ“ сильно обоснованной и вѣрю въ побѣду этой системы. Ясно, что чрезмѣрнаго недоброжелательства съ моей стороны быть не можетъ, но для меня все же литература нынѣшняго рынка кажется „преступной“. Преступны не ея идеи, а злая отупляющая монополія этихъ идей и даже узкая односторонность литературы въ предѣлахъ своей идеи.

Извѣстно, что читатель и авторъ—двѣ воинствующія стороны. Авторъ хочетъ убѣдить, читатель мысленно провѣряетъ, если онъ не абсолютно безтолковъ, т. е. защищается. Но для этого онъ долженъ быть не слабѣе своего врага въ логикѣ и хоть немного освѣдомленъ въ сферѣ данныхъ идей.

Но теперь представьте, что рынокъ наводненъ литературой одного типа, на примѣръ, социаль-демократической, при томъ еще—исключительно-практической тенденціи (Вебель, Либкнехтъ, Ленинъ). Гдѣ у читателя сила сопротивленія? Онъ не въ силахъ „спорить“ и принимаетъ вѣрой.

Мы не рѣшаемъ вопроса—правду или ложь принимаемъ: важно, что опредѣленные мысли вошли въ его сознание насильемъ, въ результатъ монополіи.

Мнѣ всегда очень стыдно за людей, добровольно отдавшихся монополюющей идеѣ. Это позорно, преступно, унизительно: человекъ вѣряется первому учителю—сдается ему, не пытаясь провѣрить, сходить въ другую аудиторию.

Это постыдливое невѣжество. Но что дѣлать, когда весь рынокъ даетъ литературу одного типа!

Человекъ получаетъ право держаться любого взгляда послѣ того, какъ познакомился съ другими взглядами. На примѣръ, этотъ вопросъ о социальномъ идеалѣ—какъ онъ сложенъ и, вмѣстѣ, какъ неотложно необходимъ для рѣшенія!..

Въ социализмѣ дано цѣлое міровоззрѣніе, но вовсе не простое по своему составу. Извѣстно, что марксизмъ, лежащій въ основѣ нашихъ обоихъ социалистическихъ группъ, имѣетъ въ себѣ двѣ стороны—философскую и практическую... Въ философской своей сторонѣ марксизмъ—система экономическаго материализма. Онъ учитъ, что вся жизнь, все проявленія культуры родились изъ желудка, представляетъ надстройку на базисѣ экономическихъ потребностей. Ни чего, кромѣ желудка!

Съ практической стороны, социальдемократія—ученіе о экономической борьбѣ классовъ, ростѣ капитализма, его хищническомъ питаніи потомъ рабочаго пролетаріата (о добавочной цѣнности), о конечной побѣдѣ пролетаріата и будущемъ социальномъ государствѣ.

Но здѣсь естественно возникнуть у нашихъ читателей вопросъ: а какъ относится къ данному движению Евангеліе и наше религіозное сознание?

Это заставляетъ насъ указать литературу по данному пункту.

Старое традиціонное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ съ христіанской точки зрѣнія даетъ маленькая брошюра Розанова (не В. В.): „Соціальный вопросъ и Евангеліе“ (ц. 15 к.). Далѣе идетъ С. Булгаковъ съ своимъ докладомъ: „Насущная задача церкви“ (ц. 15 к.).

Здѣсь предлагается система такъ называемаго христіанскаго социализма, широко развившагося и западѣ...

Ознакомленіе съ этимъ общественнымъ явленіемъ конечно, безусловно необходимо, но литература вопроса пока слаба.

Многое можетъ узнать читатель изъ книги Котляревскаго: „Лямпа“, но эта книга дорогая. Можно указать еще „Соціологическіе этюды“ Мижужева, гдѣ много о христіанскомъ социализмѣ въ Америкѣ. Большой отрывокъ изъ статьи Мижужева и уставъ американскаго социологическаго союза напечатаны въ нашей книгѣ „Почему намъ не вѣрятъ?“ Тамъ же наша теорія христіанскаго социализма, подробному раскрытію котораго отдается нами рядъ книжекъ „Моей библиотекѣ“.

Вотъ пока все. Частности укажемъ послѣ. А теперь переходимъ къ характеристикѣ. И прежде всего къ тому, что такое и въ какомъ отношеніи стоитъ социаль-демократія къ христіанству: радикально и противоположны эти два теченія, или нѣтъ?

Архимандритъ Михаилъ.

КРЕСТНОСИЦЫ ПЕРЕДЪ ІЕРУСАЛІМОМЪ.
(Рисунки Викторина.—Къ статье: «Гайкъ, хощеть Бога!»)

Простыя рѣчи.

II.

ВѢСЬ нелегко теперь прямо и просто ставить вопросы, которые имѣютъ огромное значеніе для нашей общественной и государственной жизни. Мысли и думы какъ-то разбились. У каждаго свой планъ „спасенія“ Россіи. Многіе люди не видятъ общихъ и главныхъ потребностей времени, не считаются съ крупными общественными силами, все вопросы рѣшаютъ только по своей совѣсти и только для себя и потомъ настойчиво проповѣдуютъ свои личные взгляды, гнѣвно и сердито отвергая все, что не подходитъ къ ихъ мѣркѣ.

Такъ, конечно, и должно быть. Во весь ростъ поднялись вопросы, о которыхъ еще такъ недавно никто не зналъ и не думалъ. Каждый, кто такъ или сякъ для себя, и только для себя, свелъ концы съ концами, убѣжденъ, что онъ свое дѣло сдѣлалъ и можетъ учить другихъ, которые до него не догадались, въ чемъ вся бѣда и что надо дѣлать.

Такъ повелось у насъ давно. Между писателями и читателями не было постояннаго общенія. Такъ называемое общественное мнѣніе рѣдко и слабо откликалось на рѣчи газетъ и журналовъ.

Теперь многое перемѣнилось. Становится труднѣе вѣрить въ свою одинокую мысль, если она не встрѣчаетъ отклика и опоры въ болѣе или менѣе широкомъ кругѣ общества.

Вотъ почему такъ дорогъ и нуженъ теперь живой обмѣнъ мнѣній. Вотъ почему мы ждемъ отъ нашихъ читателей отклика и отвѣта на наши „Простыя рѣчи“.

Не такое теперь время, чтобы вопросы общаго значенія рѣшать смаху, однимъ росчеркомъ пера и успокаиваться на одномъ личномъ убѣжденіи. Только то живо и прочно, что вошло въ сознаніе всѣхъ, что болѣе или менѣе одинаково понято, принято и установлено въ умѣ и совѣсти многихъ. Скоро ли пройдутъ по народу такія общія истины, которыя будутъ считаться истинами для всѣхъ, сказать трудно. Для этого много надо подумать и поработать. Сразу такія великія въ жизни народа дѣла не дѣлаются. И прежде, чѣмъ эти истины разойдутся далеко и широко, нужна полная свобода для спора и обмѣна мнѣній.

А многое нашей жизни кажется теперь спорнымъ и нерѣшеннымъ. Много сомнѣній часто возбуждаетъ то, что считалось давно оконченнымъ и яснымъ.

На первый случай поставлю вопросъ, который очень волнуетъ вѣрныхъ сыновъ церкви, съ удивленіемъ и раздумьемъ встрѣчающихъ новыя теченія въ церковной жизни.

Это вопросъ объ участіи духовенства въ борьбѣ политическихъ партій. Вопросъ — для нашей жизни совершенно новый и поэтому очень тревожный и острый.

Лежить ли на совѣсти и обязанности духовенства стоять за старую государственную строй, за которой, повидимому оно всегда стояло?

Обязано ли оно въ силу манифеста отъ 17 октября принять и проповѣдывать новыя порядки на основѣ конституціи?

Или же дѣло церкви и духовенства стать выше всякой политики, съ духовной высоты смотрѣть на бури и тревоги политическихъ страстей, въ этой области „добру и злу“ внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“?

Можно указать представителей этихъ трехъ мнѣній уже и теперь въ голосахъ и отзывахъ печати. Есть, конечно, и болѣе тонкіе оттѣнки мнѣній, но, чтобы не разбрасываться по подробностямъ, остановимся пока на этихъ трехъ вопросахъ, возбуждающихъ споры и пререканія.

Съ перваго взгляда дѣло рѣшается просто. Политика — не дѣло церкви. У нея свое и болѣе высокое дѣло. Въ ней дышетъ духъ иной жизни, не земной и немозущаемой временными и случайными тревоженіями политической жизни. Она должна стоять „наверху, горѣ“ и свѣтъ ея сіяетъ высоко надъ жизнью, а не струится изъ нѣдръ живого народа и живого общества.

Такое рѣшеніе кажется самымъ простымъ и самымъ цѣлесообразнымъ именно потому, что оно вершитъ все дѣло, сверху и донизу, съ начала и до конца, на необозримую даль грядущихъ дней и не будетъ требовать напряженнаго вниманія къ формамъ и мелочамъ жизни, постоянной вдумчивости въ нравственный и христіанскій смыслъ, быть можетъ, и маленькихъ, но крайне жизненныхъ и по своему строго определенныхъ событій.

Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, духовенству придется отойти отъ жизни еще дальше, чѣмъ оно отходило прежде, подняться на недосыгаемую высоту и почти потерять все свое значеніе въ жизни своего прихода, а поэтому и въ народной жизни.

Да этого никогда и не бывало. Можно даже больше сказать: это возможно только въ мысли, а въ жизни совершенно невозможно. Нельзя заживо стать трупомъ и не отвѣчать на жаждущій и алчущій призывъ мятущейся совѣсти. Даже великіе подвижники и отшельники, повидимому совсѣмъ уходившіе отъ жизни, откликались на ея голоса и призывы.

Развѣ Сергій Радонежскій, Дмитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій, Тихонъ Задонскій не отзывались на событія своего времени, не имѣли политическихъ и общественныхъ идеаловъ, не подавали свой голосъ по вопросамъ политики и государственнаго строя?

Есть что-то мечтательное, болѣзненное и бесплательное въ мысли, что духовенство само собою и добровольно можетъ заключиться въ какомъ-то волшебномъ замкѣ и вести жизнь въ полномомъ отрывѣ. Это при-

знать какой-то духовной слабости, почти безнадёжности, во всякомъ случаѣ усталости, если духовные вожди и пастыри народа бросятъ свое стадо въ самый опасный историческій моментъ, не будутъ болѣть всѣми колебаниями и сомнѣніями пасомыхъ, т. е. перестанутъ быть пастырями.

Тогда совѣтъ пропало бы понятіе о христіанской общинѣ, о церковномъ приходѣ, о постоянномъ и всестороннемъ общеніи пастыря со стадомъ. Мыслить христіанскую общину внѣ полнаго духовнаго единенія всѣхъ ея членовъ, по крайней мѣрѣ по главнымъ и существеннымъ цѣлямъ жизни, и совѣсти—значить отказаться отъ смысла и сущности христіанской жизни. Борьба, конечно, возможна и здѣсь, какъ вездѣ, но безотлагательно нужно, чтобы нашлась и создалась почва для единенія въ главныхъ и существенныхъ правилахъ общежитія и правды.

Общеніе православныхъ пастырей съ приходомъ,— а имѣя оно бываеъ далеко не всегда,—вноситъ очень серьезныя черты въ общественную жизнь и дѣятельность нашего духовенства и придаетъ своеобразный оттѣнокъ и всему движенію вообще, и всякимъ движеніямъ порознь.

Но это уже другой вопросъ. Объ этомъ будемъ говорить послѣ. А пока, чтобы не разбрасываться по сторонамъ, остановимъ свое вниманіе на одной сторонѣ дѣла.

Возможно ли, правдоподобно ли, желательно ли и справедливо-ли полное отдѣленіе русской церкви отъ русскаго государства? Не стоитъ ли передъ церковью сложная, трудная, но не неотклонимая, задача идти и по этой дорогѣ, негася свѣточей Христовой любви и Христовой правды, и въ чемъ надо будетъ видѣть побѣду новой великой борьбы и новаго служенія?

Я не предрѣшаю этого вопроса и снова вернусь къ нему, когда найду откликъ у читателей на мои соображенія.

Олегъ.

У дорогой могилы.

НОВА снѣгъ занесетъ дорогую могилу.
Сколько зимъ протекло! Быстро время летитъ
И уноситъ съ собой мою молодость, силу
И о близкой могилѣ и мнѣ говорить.
Что-жъ? Пора! Но ужасно предъ смертью сознанье,
Что безъ пользы такъ долго на свѣтѣ я жилъ,
Что, имѣя отъ Бога таланты и знанья,
Ничь къ чему я ихъ съ пользою не примѣнилъ!
И теперь, если жить я еще и желаю,
Если я и молось о продолженіи дней,
То еще потому, что надеждъ не теряю
Я исправить ошибки всей жизни своей,
Чтобы могъ я, представъ предъ своимъ Судіею
Милосерднымъ, держать дерзновенный отвѣтъ:
«Мой Создатель! Я много грѣшилъ предъ Тобой,
«Но я все же не даромъ былъ созданъ на свѣтѣ:
«И послѣдніе дни я отдалъ на служенье
«Во Христѣ моимъ братьямъ, какъ Онъ насъ училъ,
«И принесъ я съ собой сюда вѣру въ прощенье,
«Хоть быть можетъ, и мало его заслужилъ!»

М. Карауловъ.

Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь.

А юго-западной сторонѣ Чернигова тянется цѣпь невысокихъ холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Болдинныхъ горъ“. Холмы эти спускаются довольно крутыми отвѣсными обрывами къ широкой равнинѣ рѣки Десны, и видъ съ нихъ на Десну, на тонущіе въ голубоватомъ туманѣ дуга за-Десенья—одинъ изъ лучшихъ видовъ въ живописныхъ окрестностяхъ стараго города. Въ древнія времена горы эти были покрыты густымъ и дремучимъ лѣсомъ, отъ котораго въ настоящее время только кой-гдѣ сохранились гигантскіе дубы и ели, свидѣтели истекшихъ столѣтій. На хребтѣ Болдинныхъ горъ, утоная въ зелени густыхъ орѣховыхъ деревьевъ и молодыхъ березъ, стоитъ Елецкій Успенскій монастырь,—одна изъ главныхъ достопримѣчательностей и святынь города. Цѣлыя столѣтія пролетали надъ этимъ городомъ; потрясали его до основанія историческія, житейскія бури времени, но нерушимо стоитъ Елецкій монастырь, нѣмой свидѣтель и участникъ великихъ переворотовъ, много разъ потрясавшихъ Русскую землю.

Входъ въ монастырь съ Елецкой улицы ведетъ черезъ святые ворота, пролетающія черезъ колокольную. Къ ней непосредственно примыкаетъ и монастырская стѣна-ограда, вышиной не менѣе, какъ сажени въ двѣ. По бокамъ входныхъ воротъ изображены два святителя въ архіерейскомъ облаченіи, осѣняемые иконой Елецкой Божіей Матери. Это святитель Θεодосій Углицкій, архіепископъ и чудотворецъ черниговскій, и святитель Дмитрій, митрополитъ ростовскій. Оба они когда-то были настоятелями святой обители и своимъ непрерывнымъ трудами и молитвами способствовали развитію и славѣ Елецкой обители.

Ворота выводятъ на широкую площадку, засаженную молодыми тѣнистыми березами и каштанами, и среди ихъ зелени стоятъ могильные кресты и памятники надъ мѣстами вѣчнаго упокоенія богатыхъ черниговскихъ гражданъ. Посрединѣ площадки, прямо противъ входныхъ воротъ, высятся главный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. Архитектура Елецкаго храма византийская и напоминаетъ собой архитектуру главнаго Успенскаго храма Кіево-Печерской лавры. Стройно уходятъ въ высь и ярко горятъ въ голубомъ небѣ золотые кресты четырехъ главъ храма, изъ которыхъ средняя трехъ-ярусная, остальные три значительно ниже.

Въ храмѣ солнечный свѣтъ цѣлыми потоками льется черезъ высокія окна и золотитъ богатый рѣзной иконостасъ съ точными столбами и карнизами. Онъ построенъ въ три яруса и, по словамъ мѣстной братіи, насчитываетъ за собой болѣе чѣмъ два вѣка. Стѣны расписаны изображеніями святыхъ, но видно, что эти фрески недавняго происхожденія,—старая живопись скрыта подъ слоемъ бѣлой штукатурки.

Престоловъ въ храмѣ три. Главный престолъ, по срединѣ, во имя Успенія Божіей Матери, другой въ честь Собора Архангела Михаила, а третій, на хорахъ, во имя Георгія Побѣдоносца. Въ иконостасѣ въ особомъ кѣлетѣ, въ драгоценной серебряной ризѣ, помѣщается свитыня храма—образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. На иконѣ Богоматерь изображена въ густыхъ вѣтвяхъ ели.

Время появленія этой иконы совпадаетъ со временемъ основанія монастыря и относится къ 1060 году, ко времени княженія черниговскаго князя Святослава Ярославича. Преданіе гласитъ, что въ это время въ густомъ непроходимомъ бору, покрывавшемъ тогда Болдину гору, въ ненастный февральскій вечеръ заблудились два путника. Они изнемогали, выбиваясь изъ силъ, блуждая по снѣжнымъ сугробамъ. Ихъ крикамъ о помощи второпилъ свистъ и ревъ снѣжной ягтели да завываніе голодныхъ волковъ, и, видя неминуемую гибель, они обратилась съ горячей молитвой къ Заступницѣ Небесной. Тогда они увидѣли яркій свѣтъ, исходящій изъ вѣтвей раскидистой ели. На деревѣ висѣлъ образъ Богородицы съ Младенцемъ на рукахъ. Ель стояла на краю дороги, ведущей въ Черниговъ. Бережно сняли съ дерева святую икону обрадованные путники и съ молитвой принесли въ городъ. Князь заложилъ церковь на мѣстѣ явленія чудотворной иконы, а образъ былъ названъ иконой Божіей Матери Елецкія.

Однимъ изъ первыхъ инокъ монастыря можно считать преподобнаго Антонія Печерскаго, вызваннаго Святославомъ изъ Кіева. „Извѣщенъ бысть князь черниговскій Святославъ, яко братъ его Изяславъ на преподобнаго Антонія гнѣвается зѣло, посла по сятаго пощю и взя того въ Черниговъ, гдѣ же онъ возлюбилъ мѣсто близъ града въ горѣ Болдинѣ, и тамо пещеру ископавъ живяше въ ней, на немъ же мѣстѣ созданъ бысть и монастырь“ *). Въ 1240 году, во время нашествія Батя со своими ордами, когда Черниговъ былъ сожженъ и разрушенъ, пострадалъ и Елецкій монастырь. Церковь была опустошена и разграблена, братія частью перебита, частью бѣжала въ глухіе, заповѣдныя лѣса, окружавшіе Черниговъ, но образъ Богоматери чудесно сохранился на внутренней стѣнѣ храма. Послѣ татаръ монастырь былъ возстановленъ, но въ началѣ XVII вѣка Черниговъ былъ снова разграбленъ, на этотъ разъ поляками. Святая икона была сохранена черниговскимъ княземъ Данииломъ Барятинскимъ и передана въ Харьковскій Успенскій монастырь, гдѣ она находится и до сего времени **). Въ Елецкомъ же соборѣ виситъ точная копія съ нея, приобрѣтенная монастыремъ при настоятелѣ Іоанникіи Голятовскомъ.

День явленія чудотворной иконы празднуется 6 февраля.

*) Печерскій Патерикъ. Лѣтопись Пестора, годъ 1074.

***) Историко-статистическое описаніе Черниговск. епархіи. Арх. Филарета, кн. III, стр. 4.

Святая икона Небесной Заступницы страдающихъ иногда привозится въ дома тяжело больныхъ, и живая вѣра и молитва низводятъ чудесное покровительство Божіей Матери. Въ Черниг. дух. консисторіи хранится книга съ записью чудесъ, происходящихъ по молитвамъ къ Богоматери Елецкой. Перечислять ихъ не позволяетъ намъ размѣръ настоящаго очерка, но видно, что не оскудѣваетъ Божія благодать и милость къ зовущимъ Господа съ любовью и вѣрой.

Западный придѣлъ храма имѣетъ видъ часовни. На стѣнѣ находится изображеніе Божіей Матери съ воздѣтыми къ небу руками. На Ея груди изображенъ Младенецъ Христовъ. На правой ланитѣ изображенія есть углубленіе, происшедшее отъ удара какимъ-то орудіемъ. О происхожденіи этого удара существуетъ слѣдующее преданіе. Въ 1611 году, во время нападенія польскихъ жолнеровъ на Черниговъ, одинъ мѣстный житель, отправляясь на войну, тайно зарылъ все свое богатство подъ алтаремъ „въ склепикѣ мурованномъ“. Поляки взяли Черниговъ, опустошили Елецкій монастырь и въ числѣ прочей добычи похитили и кладъ, зарытый подъ алтаремъ. Вернувшійся казакъ не нашелъ своего клада и въ сильномъ гнѣвѣ ударилъ образъ Богоматери по лицу рукояткой сабли. Съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, на иконѣ осталась эта рана и никакія реставраціи не могутъ ее закрыть.

Съ южной стороны къ стѣнѣ собора придѣланъ маленькій храмъ имени апостола Іакова, брата Господня. Подъ храмомъ похоронены полковникъ черниговскій Яковъ Лизогубъ и его сынъ Евфимій—строители этого храма. На одной изъ наружныхъ стѣнъ сохранилась вырѣзанная на песчаникѣ эпитафія, въ силлабическихкихъ виршахъ, и гласитъ она слѣдующее:

«Здѣ Яковъ Лизогубъ воинъ Россійскій, славный
«Полковникъ Черниговскій храбрый, бодрый, давный».

Эпитафія относится къ 1698 году.

Противъ Успенскаго храма съ краю дороги, протекающей чрезъ площадь, занятую монастыремъ, стоитъ старинной постройки небольшой, покосившійся деревянный домикъ на каменномъ фундаментѣ. Онъ весь утонулъ въ зеленн молодыхъ березокъ и кустовъ сирени и выглядит очень живописно по своей старинной архитектурѣ и простотѣ. Священъ по воспоминаніямъ для каждаго православнаго этотъ небольшой домикъ; въ немъ жили святитель Θεодосій Углицкій и святитель Димитрій Ростовскій. Самый домикъ построенъ въ бытность св. Θεодосія настоятелемъ монастыря и соответствовалъ скромнымъ вкусамъ и потребностямъ его строителя. Внутри его пять маленькихъ комнатъ-келій съ небольшой передней и узкимъ коридоромъ. Въ самой большой комнатѣ на потолочной балкѣ сохранилась вырѣзанная надпись: ПР. ФЕВР. УГЛИЦ. ДѢХ. РОК. АХИИ, т. е. 1688 году.

Сѣдымъ прошлымъ вѣстъ на зрителя деревянныхъ некрашенныхъ стѣнъ этой кельи, смотреть на него потемнѣвшіе отъ времени строгіе лики Божіихъ угод-

инковъ. Воображеніе поневоли переносится въ отдаленное поэтическое время, когда вокругъ Чернигова глухо шумѣли непроходимые лѣса и князья выѣзжали на „ловы“, а колокола Елецкаго монастыря тревожнымъ звономъ извѣщали черниговцевъ о приближеніи или за-Десенскихъ степей татарскихъ ордъ или буйныхъ шаекъ польскихъ королей...

Въ домикѣ, кромѣ большой иконы святителя, писанной во весь ростъ съ жезломъ въ рукѣ, и другихъ старинныхъ иконъ, хранятся драгоценныя облаченія святителя и принадлежавшія ему книги. Между ними прекрасно сохранилось Св. Евангеліе Львовской печати въ листь, въ кожаномъ переплетѣ съ серебряными изображениями. Начальное оглавленіе книги составлено не по „заглавіямъ“, а по содержанію Евангелій. Въ началѣ каждого Евангелія помещенъ портретъ Евангелиста, а въ текствѣ много вишетоковъ и рисунковъ самаго характернаго содержанія, соответствующаго тексту. Дата изданія 1690 г., ноября 28 дня.

Подъ монастыремъ существуетъ рядъ пещеръ, по своему строенію напоминающихъ пещеры Кіевского Печерскаго монастыря. Въ 1853 году вблизи обители было замѣчено отверстіе въ Болдинои горѣ. Отверстіе вело въ подземелье и имѣло не болѣе аршина въ діаметрѣ. Монахи, съ фонаремъ спустившись въ это отверстіе, попали въ гротъ вышиной болѣе двухъ аршинъ, а шириной въ девять шаговъ. Изъ него велъ узкій проходъ, направляющійся на западъ, и выводилъ во вторую пещеру, ниже и уже, чѣмъ первая. Стѣны пещеръ облицованы кирпичомъ, сведены куполомъ, а на стѣнахъ видны изображенія крестовъ и надписи славянскими буквами. Въ 1902 г. преосвященный Сергій, бывший настоятелемъ обители, реставрировалъ пещеры, сдѣлалъ болѣе широкіе входы и выложилъ нѣши новейшимъ кирпичомъ. Но до сихъ поръ остается не выясненнымъ, настоящія ли это пещеры, сохранившіяся отъ времени преподобнаго Антонія, или, быть можетъ,

глубокіе погреба, въ которыхъ монастырская братія сохраняла скарбъ и казну въ тѣ отдаленныя, тревожныя времена.

Не такъ давно въ Елецкомъ монастырѣ была богатѣйшая ризница съ собраніемъ книгъ и документовъ, писанныхъ его знаменитыми настоятелями: Лазаремъ Барановичемъ, Іоаникіемъ Голятовскимъ, Феодосіемъ Углицкимъ и Димитріемъ Ростовскимъ, и богатая коллекція гетманскихъ универсаловъ, данныхъ въ разное время и разными гетманами Елецкому монастырю.

12 января 1869 года пожаръ уничтожилъ большую часть этихъ сокровищъ, и ризница очень обдѣлала.

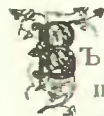
Видъ съ высоты монастырской колокольни на раскинувшійся внизу Черниговъ, на Троицкія горы, на синюю ленту Десны и на зеленые дуга по ту сторону рѣки полонъ тихой прелести и невозмутимаго покоя. Чѣмъ-то давно забытымъ, далекимъ вѣетъ отъ этой панорамы, и становится понятнымъ, почему преподобный „Антоній, пришедъкъ Чернигову, возлюбилъ Болдины горы и, ископавъ пещеру, ту ся всели“. Миръ и тишина Елецкой обители нарушается только звонкимъ пѣніемъ птицъ въ густыхъ деревьяхъ монастырскаго сада да отдѣльнымъ шумомъ городской жизни. Количество инокъ въ

По святымъ мѣстамъ. — Черниговскій Елецкій монастырь.

многочисленно, и самая обитель въ настоящее время является ближе всего—мѣстожителемъ для викариевъ епископовъ Черниговской епархіи. **Т. Вересовъ.**

Таеъ хочетъ Богъ!

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ въ Западной Европѣ происходила жестокая борьба между римскими папами и свѣтскими государями изъ-за власти и преобладанія въ дѣлахъ политическихъ. Этой власти, преобладанія папы добивались не только въ отношеніи западныхъ властителей, но и въ отношеніи церкви восточной, православной, съ которой въ началѣ второй половины столѣтія было уже порвано общеніе.

Въ достиженіи своей цѣли римскіе „намѣстники Христа“ не брезгали никакими средствами. Однако, настало время—конецъ столѣтія,—когда никакія средства уже не помогали. Тогда-то на арену исторіи вступили событія, которыя не только помогли панамъ въ ихъ преступныхъ цѣляхъ въ тотъ моментъ, но имѣли и болѣе глубокія послѣдствія, съ которыми православной церкви приходится считаться и до сихъ поръ. Событія эти—знаменитые въ исторіи Запада Крестовые походы.

Какъ теперь, такъ и въ то далекое отъ насъ время Св. Земля была мѣстомъ многочисленныхъ паломничествъ. Палестинной тогда владѣли послѣдователи Магомета, всегда неблагоприятно относившіеся къ христіанамъ. Но покуда Западъ былъ болѣе или менѣе сплоченъ, до тѣхъ поръ магометанскія власти боялись сильно притѣвлять христіанскихъ паломниковъ, большинство которыхъ приходило съ далекаго Запада. Едва, однако, пана и государи вступили между собою въ борьбу, магометане дали волю своему религіозному фанатизму. Въ 1064 году одна лишь партія паломниковъ, въ 7 тысячъ человекъ, потеряла изъ своего состава пять тысячъ.

Но особенно тяжелое время настало, когда въ 1076 году Палестинной овладѣли сельджукскіе турки. Европейцы стали постоянно слышать о вымогательствахъ, оскорбленіяхъ, какимъ подвергались ихъ братья на Востоку. Естественно, что религіозное чувство европейцевъ возмущалось до послѣдней степени, и у всѣхъ появлялось желаніе защитить угнетаемыхъ, избавить Св. Землю отъ порабощенія и позора магометанскаго владычества. Рано или поздно такое желаніе должно было породить у воинственной Европы мысль о религіозной войнѣ. И мы видимъ, что эту мысль уже высказываетъ папа Сильвестръ II. Но для того, чтобы двинуть всю Европу на великое дѣло отвоеванія Св. Земли, нуженъ былъ не какой-нибудь развратный, слабодушный папа, а пророкъ съ огненнымъ словомъ. И такой пророкъ явился въ лицѣ пустынника Петра амьенскаго.

Личность эта настолько замѣчательна, что на ней нельзя не остановиться. Родомъ изъ городка Амьена, Петръ въ молодости служилъ въ военной службѣ, былъ женатъ. Но потомъ бросилъ міръ и сдѣлался пустынникомъ. Въ 1093 году онъ предпринялъ паломничество въ Иерусалимъ и здѣсь воочию убѣдился, до какихъ предѣловъ жестокости доходили турки. Иерусалимскій патриархъ Симеонъ, которому Петръ посоветовалъ обратиться къ византійскому императору, отвѣтилъ, что помощь можетъ дать только Западъ.

Тогда пустыжникъ отправился въ Европу съ твердымъ намѣреніемъ поднять ее на великое дѣло. Папа Урбанъ, къ которому прежде всего явился Петръ, понималъ, что именно здѣсь лежитъ возможность всесторонне укрѣпить папскую власть путемъ сплоченія всей Европы въ одномъ дѣлѣ подъ руководствомъ римскаго

первосвященника. Однако, онъ не рискнулъ сразу начать это дѣло и предложилъ Петру узнать настроеніе европейскихъ христіанъ.

Пустыжникъ, оказавшійся такимъ образомъ орудіемъ въ рукахъ честолюбиваго папы, принялся чрезвычайно ревностно за дѣло. Въ грубомъ одѣяніи, подпоясанный толстою веревкой, съ обнаженной головой и босыми ногами, съ огненными глазами и грубымъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, онъ проповѣдывалъ высокимъ и низкимъ людямъ въ церквахъ и по большимъ дорогамъ, рассказывая о страданіяхъ христіанъ въ Св. Землѣ и объ оскверненіи ея. Когда у него недоставало словъ и дыханія, онъ плакалъ, стоналъ, билъ себя въ грудь, указывая все время на распятіе... Его слушали съ увлеченіемъ, къ нему, бросая жень, стеклись тысячами готовые по первому зову взять въ руки мечъ, чтобы идти на защиту далекой Земли. Петру даже приходилось удерживать нѣкоторыхъ отъ излишняго усердія.

Урбанъ, узнавши объ успѣхѣ Петра, почувствовалъ твердую почву—и въ ноябрѣ 1095 года въ Клермонѣ состоялся соборъ, на шестомъ засѣданіи котораго папа опредѣленно высказалъ мысль о крестовомъ походѣ всей Европы въ далекую Палестину. Обратившись къ собравшемуся многочисленному народу съ рѣчью, онъ указалъ на древнюю славу Палестины, гдѣ каждая пядь земли освящена высокими воспоминаніями и гдѣ теперь царилъ „сынъ египетской служанки“, магометане. „Извергите служанку и ея сына!“—закончилъ свою рѣчь папа. „Такъ хочетъ Богъ!“—восторженно отвѣтилъ народъ, и эти слова сдѣлались боевымъ кликомъ крестоносцевъ. Сразу же тысячи рѣшились вступить въ ряды вояновъ за вѣру и нашли себѣ крестъ на плечи. Отсюда названіе Крестовыхъ походовъ.

Но если такъ торжественна и свята была первая минута, то было бы, однако, ошибкой думать, что и все предпріятіе носило и благородный, и святой характеръ. Крестовые походы являются именно тѣмъ нагляднымъ и въ высшей степени поучительнымъ примѣромъ, который показываетъ, что человекъ, называющій себя христіаниномъ и идущій восвать хотя бы и за самое высокое, очевидно, не понимаетъ сущности христіанства, вводитъ себя и другихъ въ заблужденіе, руководясь другими соображеніями, что рано или поздно и обнаруживается въ его поведеніи.

Такъ было и съ крестоносцами. Въ Крестовые походы изъ Европы отправлялись люди въ громадномъ количествѣ: мужья оставляли своихъ женъ, отцы дѣтей, дѣти матерей. „Такъ хочетъ Богъ!“—раздавался кличъ, но не былъ ли онъ фальшивъ? Болѣе глубокой взглядъ убѣждаетъ насъ въ этомъ. Характерно, что особенный притокъ крестоносцевъ начался въ тотъ моментъ, какъ папа объявилъ, что участіе въ походѣ избавляетъ отъ отвѣтственности за все прошлое. Для разбойника, пирата, лишеннаго всѣхъ нравъ—давалась амнистія всѣхъ преступленій, и онъ получалъ право

снова встунуть въ общество; для должника являлась возможность исполнить своихъ обязательствъ; для монаха представлялась возможность избавиться отъ тѣхъ предѣловъ и монотонныхъ обязанностей своего монастыря; для рыцарей—грезилась впереди слава подвиговъ. Нельзя отрицать и того, что религіозныя побужденія были, но играли ли они главную роль? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются историческія указанія на тѣ безчинства и разбой, какіе производили крестоносцы, и тѣ завоевательныя стремленія, какія уже съ самаго начала обнаружилась у вождей крестоносцевъ.

Однако, первый походъ,—а ихъ было семь,—начавшійся въ 1096 году, носилъ еще до извѣстной степени священный характеръ: впереди шелъ фанатичный Петръ амьенскій, а вдали, какъ лучезарная звѣзда, свѣтилась мысль о свободной Святой Землѣ, объ Іерусалимѣ, какъ христіанскомъ, а не магометанскомъ городѣ. Но долго пришлось крестоносцамъ идти, претерпѣвать неудачу за неудачей, поражение за поражениемъ, пока они приблизились къ Іерусалиму. Многіе десятки тысячъ ихъ легли подъ стѣнами Антиохіи и другихъ городовъ. Но уже въ самой Св. Землѣ, воодушевляемые страстнымъ желаніемъ достигъ своей цѣли, ради которой они такъ многимъ пожертвовали, крестоносцы рѣшили во что бы то ни стало увидѣть Іерусалимъ и взять его.

И вотъ, наконецъ, 6 іюня 1099 года, чрезъ три года по выступленіи изъ Европы, по прошествіи ночи, въ теченіе которой религіозная восторженность едва ли позволяла имъ отдыхать, крестоносцы увидѣли предъ собою священный городъ. Торжественность минуты не поддается описанію. Изъ груди всѣхъ раздался крикъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ! Такъ хочетъ Богъ!“ Всѣ бросились на колѣна, цѣловали священную почву. Многіе плакали. Если бы не необходимость опасаться нападенія, то они продолжали бы паломничество босыми ногами... 15 іюня Іерусалимъ былъ взятъ... Цѣль крестоносцевъ была достигнута, и тутъ они дали волю своимъ дикимъ инстинктамъ. Поѣзда сопровождалась сценами хищничества, распутства и кровопролитія, позорныхъ для христіанскаго имени. Крестоносцы не щадили среди побѣжденныхъ ни старцевъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Избито было 70,000 магометанъ...

Можно ли было послѣ такого насилія вѣрять, что побѣда надъ магометанами, державшаяся мыслию о покаяніи христіанскихъ завѣтовъ, продержится еще долго? Разумѣется, нѣтъ. Если истинныя побужденія были какія угодно, только не христіанскія,—то рано или поздно они и должны были восторжествовать. И дѣйствительно, походы предпринимались еще 6 разъ, Іерусалимъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но о прежней высокой цѣли всѣ позабыли и начали преслѣдовать вполне откровенно другія. Свѣтскіе государи отняли у греческаго императора его имперію, пана на

тузіяхъ костяхъ водворить латинство на Востокъ, съ тѣмъ приходится и теперь считаться православной церкви; а прочіе—рыцари, воины—превратили свое участіе въ походахъ въ рядъ веселыхъ, интересныхъ приключеній.

Целью отрицать и полезнаго значенія Крестовыхъ походовъ: они познакомили Востокъ съ Западомъ, сблизили отдѣльныя націи и отдѣльные классы въ Западной Европѣ, укрѣпили духъ рыцарства, вопиющей отваги, но все это касалось интересовъ политическихъ, а отнюдь не христіанскихъ... Іерусалимъ же и теперь во власти турокъ...

Кто хочетъ защищать интересы христіанства, тотъ только тогда будетъ имѣть успѣхъ, когда начнетъ съ воспитанія самого себя въ христіанскомъ духѣ и постарается не допускать въ своемъ поведеніи противорѣчій высокимъ завѣтамъ Христа. Всякій же другой путь ошпбоченъ и, прежде всего, ложенъ.

Д. К. Занинъ.

Вѣсти и замѣтки.

◆ Въ печати все чаще и чаще раздаются голоса въ защиту авторитарности грузинской церкви. Говорятъ, что вопросъ объ этомъ поставленъ на очередь въ Св. Синодѣ и прибывшій въ Петербургъ экзархъ Грузіи архіепископъ Николай не уѣдетъ отсюда до разрѣшенія этого вопроса.

◆ Недавно на смоленскомъ епархіальномъ съѣздѣ были затронуты вопросы, выдвигаемые современной церковной жизнью. Такъ, было постановлено просить епархіальнаго архіерея объ уничтоженіи существующаго обычая отмѣчать поведеніе членовъ причта и ихъ домашнихъ оо. благочинными, такъ какъ этотъ обычай крайне унижаетъ для духовенства и притомъ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія однихъ лишь благочинныхъ. На журналѣ съѣзда послѣдовала такая резолюція смоленскаго епископа:

Отмѣтки поведенія членовъ клира и тѣмъ болѣе ихъ домашнихъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ по справедливости подлежатъ отмѣнѣ: члены причта даже младшіе, а тѣмъ болѣе пастыри-священники, не школьники, а руководители своихъ пасомыхъ. Эти отмѣтки излишни, ибо при неблагоповеденіи членовъ клира, сугубо наказуемыхъ сравнительно съ мирянами, въ клировыхъ вѣдомостяхъ всегда остается свѣдѣть характерную изобличенное въ томъ или другомъ поступкѣ лицо.

Нельзя не пожелать, чтобы такой оскорбительный для духовенства обычай былъ отмѣненъ повсемѣстно.

◆ Въ Самарѣ учрежденъ пастырскій съѣздъ для предварительной разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію пастырскихъ собораній.

◆ Мы получили слѣдующее воззваніе отъ гатчинскаго отдѣленія причта для малолѣтнихъ безпріютныхъ мальчиковъ:

Съ каждымъ днемъ растетъ необходимость увеличить пріемъ дѣтей, лишенныхъ крова и пищи. Мучительно тяжело отказать ребенку въ помощи за немѣннимъ средствомъ, но еще болѣе закрытъ уже существующее, дающее благіе результаты, отдѣленіе пріюта въ Гатчинѣ, гдѣ 20 малютокъ-мальчиковъ, оживленныхъ воздухомъ и любовной заботой о нихъ, станутъ опять безпріютными. Какъ „одинъ въ полѣ не воинъ“, такъ и одинокое состраданіе не можетъ осушить слезы общественнаго горя. Откликнитесь, чуткіе, сердечные люди, помогите, вспомнивъ, что и копѣчная лепта принесетъ много, если будетъ общественной. „Въ дѣтяхъ—будущее человѣчество“, но для этого необходима любовь, забота и помощь дѣтямъ во-время. Пожертвования деньгами, готовымъ платьемъ, обувью (дѣти отъ 3 до 8 лѣтъ, а потомъ переводятся въ Петербургъ, на Садовую, 86), одеждой, пицевыми продуктами, принимаются въ Гатчинѣ, Мариенбургъ 7, въ пріютѣ.

№ 6 журнала „Русскій Паломникъ“ сланъ на городскую почту 4 февраля, на погородную 7 февраля.

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ И. Д. Θεодоровскій.